

Т. Герцль

Обновленная страна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т11

Т11 **Т. Герцль**
Обновленная страна / Т. Герцль – М.: Книга по Требованию, 2014. – 341 с.

ISBN 978-5-458-07908-2

ISBN 978-5-458-07908-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОБНОВЛЕННАЯ СТРАНА.

*..... и если вы захотите, —
это не будет сказкой."*

КНИГА I.

„Образованный и отчаявшийся юноша“.

Д-ръ Фридрихъ Левенбергъ, погруженный въ глубокую меланхолю, сидѣлъ у круглаго мраморнаго стола въ своемъ кафе. Это былъ одинъ изъ старыхъ, уютныхъ вѣнскихъ кафе на Альзергрундѣ. Онъ посѣщалъ его въ теченіе многихъ лѣтъ, еще со времени своего студенчества. Со свойственной бюрократу аккуратностью, онъ появлялся тамъ обыкновенно около 5 часовъ пополудни. Блѣдный, болѣзненный лакей почтительно привѣтствовалъ его. Левенбергъ вѣжливо раскланивался съ блѣдной кассиршей, съ которой онъ никогда не заговаривалъ. Затѣмъ онъ садился за круглый столъ, пилъ свой кофе, и прочитывалъ всѣ газеты, которыя предупредительно подносилъ ему лакей; и когда онъ заканчивалъ просмотръ ежедневныхъ и еженедѣльныхъ газетъ, юмористическихъ изданій и специальныхъ журналовъ, — (на что у него никогда не уходило менѣе полутора часовъ), онъ вступалъ въ разговоръ съ друзьями или же предавался одинокимъ мечтаніямъ. Собственно говоря пріятельскія бесѣды были дѣломъ про-

шедшаго; теперь же остались однѣ мечтанія, такъ какъ два лучшихъ его товарища, раздѣлявшіе съ нимъ въ кофейнѣ „Birkenreis“ въ теченіе многихъ лѣтъ эти своеобразно-милые часы вечерняго досуга, недавно умерли. Они оба были старше его и, какъ выразился въ своемъ прощальномъ письмѣ къ Левенбергу одинъ изъ нихъ Генрихъ, передъ тѣмъ какъ пустить себѣ пулю въ лобъ,—это было, такъ сказать, „хронологически“ понятно, отчего они разочаровались въ жизни раньше его. Другой, Освальдъ, отправился въ Бразилію съ цѣлью основать колонію для еврейскихъ пролетаріевъ и тамъ недавно палъ жертвой желтой лихорадки. Вотъ почему Фридрихъ Левенбергъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сиживалъ за прежнимъ столомъ въ полномъ одиночествѣ, и, разобравшись въ ворохѣ газетъ, мечталъ про себя, не дѣлая попытки заговорить съ кѣмъ либо. Онъ былъ слишкомъ утомленъ для того, чтобы завязывать новыя знакомства, какъ будто бы онъ былъ не 23-хъ лѣтнимъ юношей, а старцемъ, которому уже не разъ приходилось мириться съ потерей близкихъ друзей.

И вотъ онъ сидѣлъ, устремивъ пристальный взоръ въ легкій туманъ, заволакивавшій дальніе углы кофейни. Вокругъ билліарднаго стола стояло нѣсколько молодыхъ людей, въ непринужденныхъ позахъ умѣлыхъ игроковъ съ длинными кіями въ рукахъ. Несмотря на то, что ихъ положеніе было не лучше положенія Левенберга, они были настроены благодушно. Это были начинающіе врачи, новоиспеченные юристы и технологи; всѣ они закончили курсъ высшаго образованія и не находили занятій. Большинство изъ нихъ,—были

евреи. Въ то время, когда они не играли на билліардѣ или въ карты,—они обыкновенно жаловались другъ другу на то, какъ трудно въ „нашъ вѣкъ“ выбиться на дорогу. Пока же они убивали „свой вѣкъ“ въ безконечной игрѣ. Левенбергъ жалѣлъ этихъ безумцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и завидовалъ имъ. Собственно говоря, это были пролетаріи высшаго слоя общества, жертвы міровоззрѣнія, господствовавшаго лѣтъ 20—30 тому назадъ въ среднемъ классѣ еврейскаго населенія. Сообразно этому міровоззрѣнію, дѣти должны были быть уже не тѣмъ, чѣмъ были ихъ отцы: подальше отъ торговли, отъ всякаго рода коммерческихъ предпріятій! И наступило массовое стремленіе молодого поколѣнія къ „свободнымъ“ профессіямъ. Въ результатѣ получился злополучный излишекъ лицъ съ высшимъ образованіемъ; они не находили приложенія своимъ знаніямъ и не способны были вести скромный образъ жизни; они не могли пристроиться въ качествѣ чиновниковъ въ различныхъ вѣдомствахъ, какъ это дѣлали ихъ товарищи—христіане, и они „переполняли рынокъ“. Притомъ же они являлись носителями извѣстныхъ сословныхъ предразсудковъ, жалкаго сословнаго высокомерія и никуда не годныхъ титуловъ. Тѣ изъ этихъ молодыхъ людей, которые обладали нѣкоторымъ состояніемъ, мало-по-малу проѣдали его, или же продолжали жить на средства родителей. Другіе выжидали „выгодной партіи“, и заманчивой перспективы жить на хлѣбахъ у тестя въ роли его безсловеснаго раба. Третьи пускались въ беспощадную и не всегда благовидную кокурренцію въ профессіяхъ, требующихъ болѣе роскошнаго образа жизни. Глазамъ представля-

лось печальное зрѣлище: тѣ самыя лица, которыя такъ желали стоять выше „обыкновеннаго купечества“, становились дѣльцами несмотря на „академическое образованіе“, и съ ловкостью, достойной „просвѣщенныхъ“ дѣльцовъ, обдѣльвали разныя дѣлишки, пользовались тайными болѣзнями и предосудительными процессами. Многіе изъ нужды становились журналистами и продавали общественную совѣсть. Другіе толкались по народнымъ собраніямъ, предлагали въ продажу обезцѣненные красныя словечки, добиваясь извѣстности и партійныхъ связей, сулящихъ выгоды въ будущемъ.

Ни однимъ изъ вышеуказанныхъ путей не желалъ идти Левенбергъ.

— „Не годишься ты для жизни“,—запальчиво сказалъ ему бѣдняга Освальдъ передъ отъѣздомъ въ Бразилію:—„ты слишкомъ шепетилень въ житейскихъ дѣлахъ; нужно умѣть во время глотать паразитовъ и другія нечистоты: отъ этого жирѣешь, приобрѣтаешь силу и достигаешь цѣли. А ты, что ты изъ себя представляешь? Благородный осель,—и только!....“

— „За монастырской стѣной—твое мѣсто, Офелія!“

— „Благородству твоему никто не повѣритъ,—вѣдь ты еврей! Чѣмъ же все это кончится? Ты скорѣе истратишь всѣ деньги твоего скуднаго наслѣдства, нежели приобрѣтешь практику, затѣмъ, придется либо взяться за то, чего ты гнушаешься, либо повѣситься. Пожалуйста купи веревку, пока у тебя еще есть гульденъ... На меня не рассчитывай. Во-первыхъ меня здѣсь не будетъ, а во-вторыхъ, какъ ни какъ, я все же тебѣ другъ. Освальдъ пытался уговорить его уѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Бразилію, но Фридрихъ Левенбергъ не

могъ на это рѣшиться. Тайную причину своего отказа онъ, разумѣется, не открылъ другу, который собирался тогда въ путь, какъ бы для того, чтобы на чужбинѣ найти преждевременную смерть. Причина была въ нѣжномъ, мечтательномъ, русомъ созданіи. Даже со своими близкими друзьями Левенбергъ не рѣшался заговорить объ Эрнестинѣ; онъ боялся встрѣтить насмѣшливое съ ихъ стороны отношеніе къ самому дорогому для него чувству. Теперь друзей уже не стало. Нельзя было искать ни ихъ совѣта, ни участія. Положеніе было тяжелое, безвыходное. Левенбергъ пытался представить себѣ, что сказали бы они, если бы были здѣсь и сидѣли на своихъ прежнихъ мѣстахъ у круглаго стола. Онъ закрылъ глаза и весь ушелъ въ воображаемый разговоръ:

— Друзья, я влюбленъ,—нѣтъ! я люблю...

— Бѣняга!—сказалъ бы Генрихъ.

— Эта глупость на тебя похожа!—замѣтилъ бы Освальдъ.

— Это больше чѣмъ глупость, дорогіе друзья, это уже настоящее сумасшествіе. Ея отецъ, господинъ Леффлеръ, должно быть высмѣетъ меня, если я попрошу руки Эрнестины. Вѣдь я только кандидатъ правъ, съ мѣсячнымъ окладамъ въ сорокъ гульденовъ... Больше у меня положительно ничего нѣтъ! Послѣдніе мѣсяцы окончательно раззорили меня... я проѣлъ нѣсколько сотъ гульденовъ, уцѣлѣвшихъ отъ наслѣдства. Я превосходно понимаю, что съ моей стороны было безуміемъ истратить все до послѣдняго гроша! Но мнѣ хотѣлось быть подлѣ нея, любоваться ея красотой, слышать ея милый голосъ. Для этого я

долженъ былъ лѣтомъ посѣщать курорты, гдѣ была она, затѣмъ—театры и концерты... Необходимо было лучше одѣваться, чтобы быть въ ея кругу... А теперь у меня рѣшительно ничего нѣтъ, а я все же люблю ее по прежнему... сильнѣе, чѣмъ когда-либо...

— Что же ты намѣренъ предпринять?—спросилъ бы Генрихъ.

— Хочу откровенно признаться ей въ любви и просить ее подождать меня нѣсколько лѣтъ, пока не добьюсь извѣстнаго положенія.—

Тутъ ему почудился язвительный смѣхъ Освальда.

— Ждать! Эрнестина Леффлеръ не такъ глупа, чтобы ждать бѣдняка, пока не поблекнетъ ея красота. Ха-ха-ха!—

Около Фридриха Левенберга въ дѣйствительности раздался смѣхъ... Онъ смущенно открылъ глаза. Молодой банковый чиновникъ г. Шиффманъ (съ нимъ онъ познакомился въ домѣ Леффлеръ) стоялъ передъ нимъ и смѣялся отъ всей души.

— Должно быть, докторъ, вы изволили поздно уснуть вчера, если ужъ теперь вами овладѣваетъ сонливость....—

— Я не спалъ,—смущенно замѣтилъ Фридрихъ.

— Сегодня тоже засидимся... Вы вѣдь идете къ Леффлерамъ?—Шиффманъ непринужденно усѣлся за столъ, гдѣ лежали газеты.

Фридрихъ недолго любилъ этого господина, но мирился съ его обществомъ, такъ какъ это былъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ могъ говорить объ Эрнестинѣ: отъ него-же онъ обыкновенно узнавалъ, въ какой театръ она собирается идти. (Шиффманъ

былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ кассирами театра и доставалъ мѣста въ купонахъ даже на самыя недо-ступныя представленія).

— Да, я тоже приглашенъ сегодня къ Леффле-рамъ,—отвѣтилъ Левенбергъ.

Шиффманъ взялъ въ руки газету.

— Странно!—воскликнулъ онъ.

— Въ чемъ дѣло?—

— Тутъ одно объявленіе!...—

— А, вы читаете также и объявленія?—ирони-чески улыбнулся Фридрихъ.

— Почему это „также и объявленія?“—переспро-силъ Шиффманъ. Я главнымъ образомъ читаю объяв-ленія, вѣдь это самое интересное въ газетахъ, помимо биржевого отдѣла.—

— Въ самомъ дѣлѣ? Я никогда не читалъ бирже-выхъ извѣстій.—

— Ну, да это вы! А вотъ мнѣ—достаточно бро-сить бѣглый взглядъ на таблицу курсовъ, и я опишу вамъ положеніе всей Европы... Непосредственно за этимъ слѣдуютъ объявленія. Вы не можете себѣ пред-ставить, какъ онѣ содержательны. Читать объявленія это значитъ,—очутиться на рынкѣ. Тутъ продаются и вещи, и люди. Собственно говоря вѣдь все на свѣтѣ продажно, только цѣна не всегда доступна. Про-сматривая отдѣлъ объявленій, я освѣдомленъ всегда о томъ, что можно купить „по случаю“. Все слѣдуетъ знать и быть во всеоружіи знанія.... Но вотъ ужъ нѣ-сколько дней я вижу здѣсь непонятное мнѣ объяв-леніе.—

— На иностранномъ языкѣ что-ли?—

— Вотъ взгляните, д-ръ!—Шиффманъ придвинулъ къ нему газету и указалъ на маленькое объявленіе: „Ищутъ образованнаго и отчаявшагося юношу, готоваго произвести надъ собой послѣдній опытъ. Предложенія просятъ направлять въ экспедицію подъ шифромъ „N. O. Body“

— Да, вы правы,—это странно!—сказалъ Фридрихъ.— Образованный и отчаявшійся юноша. Такихъ, пожалуй, можно найти. Но заключеніе нѣсколько усложняетъ дѣло. До какого отчаянія долженъ дойти человекъ, чтобы рѣшиться произвести надъ собой „послѣдній опытъ!“—

— Видно г. „Body“ еще никого не нашель... Я вижу это объявленіе уже нѣсколько разъ. Было бы однако интересно узнать, кто этотъ Body, у котораго такія странныя прихоти.—

— Это,—никто!—

— Какъ это „никто?“—

— N. O. Body—nobody, по англійски—„никто“.—

— Д-а-а, такъ это по англійски..., а мнѣ и въ голову не приходило... Все слѣдуетъ знать и быть во всеоружіи знанія... Однако ужъ пора, если мы желаемъ во время прійти къ Леффлерамъ. Сегодня въ особенности не слѣдуетъ опаздывать.—

— Почему именно сегодня?—спросилъ Левенбергъ.

— Къ сожалѣнію не могу вамъ сказать. Секретъ для меня—вопросъ чести. Но вы можете приготовиться къ большому сюрпризу... Человѣкъ! получите...—

— Сюрпризъ!?—Фридрихъ вдругъ почувствовалъ неопредѣленный страхъ. Выходя вмѣстѣ съ г. Шиффманомъ изъ кофейни, онъ замѣтилъ въ нишѣ дверей какого-то мальчика, лѣтъ около 10-ти. Мальчуганъ,

одѣтый въ тонкое пальтишко, приподнявъ высоко плечи и судорожно прижимая руки къ тѣлу, топалъ ногами по снѣгу, который заносило вѣтромъ въ этотъ защищенный уголокъ. Это топаніе казалось почти забавнымъ, но Фридрихъ видѣлъ, что несчастное дитя въ порванныхъ ботинкахъ и что оно жестоко мерзнетъ. Онъ опустилъ руку въ карманъ, отыскалъ при свѣтѣ ближайшаго фонаря 3 мѣдныхъ крейцера и далъ ихъ мальчику. Тотъ взялъ ихъ, тихо, дрожащимъ отъ холода голосомъ пробормоталъ „спасибо“,—и убѣжалъ.

— Какъ! вы поощряете нищенство,—раздраженно замѣтилъ Шиффманъ.

— Не думаю, чтобы этотъ мальчикъ шатался въ декабрьскую стужу ради одного удовольствія; кромѣ того, кажется, это былъ еврейскій мальчикъ.—

Въ такомъ случаѣ пусть онъ обратится въ общину, или же въ еврейскій алліансъ, а не торчитъ по вечерамъ у кофеенъ.—

— Не волнуйтесь, г-нъ Шиффманъ, вы вѣдь ему ничего не дали!—

— Милый д-ръ!—рѣшительно заявилъ Шиффманъ— я состою членомъ общества „борьбы съ обѣднѣніемъ и нищенствомъ“. Годовой взносъ—1 гульденъ.—

Г л а в а II.

Семья Лэффлеровъ жила во второмъ этажѣ большого наемнаго дома по улицѣ Гонцагагассе. Нижній этажъ былъ отведенъ подъ складъ матерій фирмы „Морицъ Лэффлеръ и К^о“. Войдя въ переднюю, Фридрихъ и Шиффманъ замѣтили по количеству шубъ и

мантиль, висѣвшихъ на вѣшалкахъ, что собраніе обѣщало быть многолюднѣе обыкновеннаго.

— Настоящій магазинъ платья, — сказалъ Шиффманъ.

Въ гостинной находилось нѣсколько человѣкъ, уже знакомыхъ Фридриху. Незнакомъ ему былъ лишь одинъ лысый господинъ, который стоялъ у піанино подлѣ Эрнестины и интимно ей улыбался.

Молодая дѣвушка любезно протянула руку вошедшему:

— Д-ръ Левенбергъ, — позвольте васъ представить, — г-нъ Леопольдъ Вейнбергеръ. —

— Членъ фирмы „Самуилъ Вейнбергеръ и С-ья“ въ Брюннѣ, — не безъ торжественности и благоволенія дополнилъ старикъ Леффлеръ.

Оба господина съ привѣтливими улыбками пожали другъ другу руку. При этомъ Фридрихъ замѣтилъ, что г-нъ Вейнбергеръ, членъ брюннской фирмы, сильно коситъ и что руки у него потныя. Это обстоятельство не причинило Левенбергу неприятности, такъ какъ оно разсѣяло первую мысль, какъ молнія пронесшующая въ его головѣ при входѣ въ залу.

Эрнестина и подобный человѣкъ! Это было просто невѣроятно!... Такая именно, какъ сейчасъ, граціозная, миловидная, съ изяшно наклоненной головкой, она производила на Фридриха неотразимое впечатлѣніе!...

Онъ долженъ былъ, однако, ретироваться, такъ какъ появлялись новые гости и подходили здороваться съ ней. Только Леопольдъ Вейнбергеръ изъ Брюнна нѣсколько навязчиво держался подлѣ Эрнестины.